

SERGEI DOTSSENKO

Tallinn University (Estonia)

 <http://orcid.org/0000-0001-8621-4525>

Публичная библиотека глазами еврейского беженца (об одном неомифологическом мотиве в книге Михаила Безродного *Конец цитаты*)

BIBLIOTEKA PUBLICZNA OCZAMI ŻYDOWSKIEGO UCHODŹCY

(O PEWNYM MOTYWIE NEOMITOLOGICZNYM W KSIĄŻCE MICHAŁA BEZRODNEGO *KONIEC CYTATU*)

Streszczenie: Artykuł analizuje jeden z motywów w książce filologa i pisarza Michaiła Bezrodnego *Koniec cytatu* (1996). Michaił Bezrodny wyemigrował do Niemiec jako żydowski uchodźca w 1991 roku, a jego książka stała się zapisem spojrzenia rosyjsko-żydowskiego emigranta na samo zjawisko emigracji. Jednym z powracających motywów *Końca cytatu* jest swoista nostalgia za „ojczyzną”, której rolę odgrywa Państwowa Biblioteka Publiczna (GPB) w Leningradzie — miejsce pracy autora w latach 1979–1991. Jednocześnie motyw ten wpisuje się w tak zwany „tekst petersburski” literatury rosyjskiej, który był istotny dla Bezrodnego zarówno jako badacza, jak i pisarza.

Słowa kluczowe: literatura rosyjska, Michaił Bezrodny, *Koniec cytatu*, tekst petersburski, emigracja, motyw neomitolologiczny

THE PUBLIC LIBRARY THROUGH THE EYES OF A JEWISH REFUGEE:

ON A NEO-MYTHOLOGICAL MOTIVE IN MIKHAIL BEZRODNY'S *THE END OF THE QUOTE*

Summary: This article analyzes a key motive in the book *The End of the Quote* (1996) by philologist and writer Mikhail Bezrodny. Bezrodny emigrated to Germany as a Jewish refugee in 1991; his work reflects a Russian-Jewish emigrant's perspective on the phenomenon of emigration itself. A recurring theme in the book is a specific nostalgia for a "homeland," embodied by the State Public Library (GPB) in Leningrad, where the author worked from 1979 to 1991. Furthermore, this motive is integrated into the "Petersburg text" of Russian literature—a concept central to Bezrodny's work both as a scholar and a writer.

Keywords: Russian Literature, Mikhail Bezrodny, *The End of the Quote*, Petersburg text, emigration, neo-mythological motive

В 1996 г., через 5 лет жизни в эмиграции, была издана книга Михаила Безродного *Конец Цитаты*¹. Эмиграция — явление во многом мифологическое (мифологизируемое), особенно в русской исторической традиции, для которой характерна идея изоляционизма, поэтому мифологические мотивы в книге присутствуют². Один из таких мотивов появляется в самом начале книги (это — первая фраза): «Более всего, впрочем, не хватает Публичной библиотеки на Садовой»³.

Здесь напрашивается мифологическая ассоциация — библейская: Публичная библиотека на ул. Садовой в Ленинграде/Санкт-Петербурге (на которой находится историческое здание ГПБ), — это *райский сад*, из которого человек изгнан в юдоль земную⁴. Впрочем, автор тут же разрушает эту соблазнительную «мифологему»: «Отъезд (окончательный) состоялся в 1991 году, проклятом, лживом, зеркальном, ломающемся пополам. Уезжалось, точнее, бежалось, от уродливо складывавшейся жизни — собственной и вокруг»⁵. Если даже заметить слово «изгнание» на слово «бегство», то в любом случае эмиграция для Безродного — это переход не от счастливого к несчастливому, а скорее — наоборот⁶.

¹ М. Безродный, *Конец Цитаты*, Изд-во Ивана Лимбаха, Санкт-Петербург 1996. Некоторые свои наблюдения, сделанные по прочтении книги Безродного *Конец Цитаты*, я обсудил с автором книги при написании своей статьи (С. Доценко, «Свое» и «чужое» в книге М. Безродного «Конец Цитаты» // *Пограничные феномены культуры: Перевод. Диалог. Семиосфера. Материалы Первых Лотмановских дней в Таллинском ун-те (4–7 июня 2009 г.)*, Изд-во ТЛУ, Таллинн 2011, с. 223–239). В результате я получил не только одобрительный отзыв автора, но и ряд его замечаний и поправок. Это позволило мне проверить достоверность собственных выводов в ходе обсуждения с создателем изучаемого текста.

² Термин «мифологический» применительно к книге М. Безродного я использую в широком смысле, в том числе для обозначения феноменов, которые принято именовать термином «неомифологический» (см.: Лотман Ю.М., Минц З.Г., Мелетинский Е.М., *Литература и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия*, т. 2, Москва 1982, с. 58–65).

³ М. Безродный, *Конец Цитаты*. . . , с. 7.

⁴ Каламбур «Садовая»/«сад» — вполне в стиле Безродного, который был любителем каламбуров. См., например, описание ассортимента почтовых извещений ганноверской еврейской общины, в котором шуточно обыгрывается многозначность слова «член»: «[. . .] О праздниках, днях рождения членов общины и членов их семей, а также днях обрезания членов новорожденных (мужских) членов семей членов общины и т. п.» (письмо Безродного от 14.01.1994 г.; архив автора статьи). См. также его стихотворение *Изра в города*, целиком построенное на каламбурах (М. Безродный, *Пиши пропало*, Издательство «Чистый лист», Санкт-Петербург 2003, с. 52–53).

⁵ М. Безродный, *Конец Цитаты*. . . , с. 88.

⁶ Рефлексия на тему эмиграции зачастую порождает у Безродного шутки такого рода: «Советские евреи-эмигранты ощущают себя эмигрантами повсюду, а евреями только в ресторанах — читая меню справа налево» (М. Безродный, *Конец Цитаты*. . . , с. 18).

Публичная библиотека (ГПБ им. М. Салтыкова-Щедрина) оказывается в реестре утрат, которые вызывают у Безродного сожаление и некоторую ностальгию. На странице 18 находим уже почти готовый мифологический конструкт: «О Публичная библиотека, уже за шеломянем еси!»⁷. По меткому определению самого автора — перед нами «перевраз»⁸ выражения из *Слова о полку Игореве*: «О Руская земль! Уже за шеломянем еси!»⁹. Комментарий *Слова* поясняет:

Шеломя — древнерус. топогр. термин, обозначающий холм, возвышенность. В С. дважды встречается восклицание: «О Руская земль! Уже за шеломянем еси!» (с. 10) и «О Руская земль! Уже за шеломянем еси!» (с. 12). [...] А.Х. Востоков в 1810 определил, что Ш. «не что иное что значит, как возвышение, пригорок», и поэтому возглас из С. следует, по его мнению, понимать так: «Игорево воинство, вступив в пределы Половецкие, потеряло уже из виду землю отечественную, или: она спряталась уже за горизонт»¹⁰.

Иными словами, Публичная библиотека оказывается в положении «русской земли», которая для покинувшего ее автора книги оказалась за рубежом (границей). При всей ироничности этого уподобления (Публичная библиотека — «русская земля»), в нем, однако, есть нечто «мифологическое», поскольку Публичная библиотека для Безродного выступает, по крайней мере, в 3 ипостасях: 1. Публичная библиотека — место работы в качестве редактора научно-издательского отдела вышеупомянутого учреждения, а потом научного сотрудника отдела редкой книги и книговедения; 2. Публичная библиотека — собрание книжных, газетных и архивных фондов, необходимых ему для профессиональной деятельности в качестве филолога¹¹; 3. Публичная библиотека (особенно — ее курительная комната) — место общения с многочисленными друзьями, знакомыми etc. Последняя функция Публичной библиотеки была для Безродного не менее важной, чем две остальные. Именно отсюда — тот мотив ностальгии, который писатель нарочито скрывает посредством иронии. Та же самая реминисценция из

⁷ Там же, с. 18.

⁸ Там же, с. 95.

⁹ Цит. по: *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т., т. 1*, Дмитрий Буланин, Санкт-Петербург 1995, с. 10.

¹⁰ Творогов О.В., *Шеломя* // *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*. . . , с. 228.

¹¹ На отсутствие библиотек и архивов, например, в Ганновере (где Михаил Безродный жил в 1992–1994 гг.) автор книги *Конец Цитаты* жалуется в письме от 14. 01.1994 г.: «Отсутствие библиотек и архивов раздражает в конце концов много больше» (архив автора статьи).

Слова о полку Игореве в связи с Публичной библиотекой появятся в книге еще один раз:

Лет восемь-девять тому назад А. Румянцев, библиограф Публичной библиотеки, разрешил скопировать свою коллекцию занятых заглавий. Все мечталось выбрать время и заказать хотя бы некоторые издания, но тогда времени не было, а теперь, когда оно вроде появилось, *Публичная библиотека уже за шеломянем* (курсив мой. — С.Д.). Остается ностальгически перебирать каталожные карточки и наугад аннотировать книги, которых уже никогда не прочитать¹².

Невозможность работать в книжном и архивном фондах ГПБ им. М. Салтыкова-Щедрина — это тоже причина ностальгии Безродного. А вот еще одно упоминание Публичной библиотеки:

«На евреев давит Императорская Публичная Библиотека», — посочувствовал Розанов в *Апокалипсисе нашего времени*. Мерси, но, пожалуй, не столько она сама, сколько ее отсутствие. О чем уже, впрочем, говорено¹³.

Действительно, этот мотив прозвучал в самом начале *Конец Цитаты*¹⁴. Добавим только, что теперь появляется еще один мотив — *национальный*, ибо автор косвенно подразумевает и свое еврейское происхождение¹⁵. А поправка, внесенная в суждение Василия Розанова («не столько она сама, сколько ее отсутствие»), придает ей автобиографический подтекст.

Впрочем, у мотива отсутствия в эмиграции Публичной библиотеки есть и другой подтекст: это — отсутствие у Безродного постоянного места работы в первые годы беженской жизни. Таким образом, отсутствие Публичной библиотеки в Германии (сначала в Ганновере, а затем в Мюнхене) означает лишение писателя и места работы, и нужных книг, и привычного круга общения. Нет оснований идеализировать его реальные отношения с руководством ГПБ в годы, предшествующие беженству. Но в ситуации мифологизированного

¹² М. Безродный, *Конец Цитаты*... , с. 25.

¹³ М. Безродный М., *Конец Цитаты*... , с. 119–120.

¹⁴ См. Там же, с. 7, 25.

¹⁵ В этой связи можно упомянуть каламбур Безродного, о котором вспоминает А. Смолянский (его друг детства): «Помню, как мы с ним и другим нашим близким другом, встретившись в Бохуме, решили сочинить послание в Питер еще одному общему другу-историку. Тема, разумеется, требовалась историческая. Не долго думая, сошлись на 'Слове о полку Игореве'. Размер тоже выбрали сразу: что может быть прекрасней пастернаковского 'Придается все, лишь тебе не дано примелькаться'? И вот, скачет наш герой на коне, вот уже сочинили, что 'за шеломянем Русь', и тут Мишка мгновенно подхватывает: '...но не слышен оттуда шалом'» (А. Смолянский, *Веселое имя: Мишка (мемуар о филологе, литературоведе Михаиле Безродном)*, «Блоги журнала "Семь искусств"» 2023, 21 ноября. <https://blogs.7iskusstv.com/?p=122278&сpage=1>) [дата обращения: 1.12.2025].

восприятия себя и своего статуса в качестве вчерашнего сотрудника библиотеки напрашивается мысль о мифологизации Публичной библиотеки как своего рода «малой» родины (при вполне трезвом и немифологическом восприятии родины «большой»). Здесь вспоминается известная сентенция Осипа Мандельштама из книги *Шум времени*: «Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, — и биография готова»¹⁶.

Публичная библиотека (как и Библиотека вообще) — это и есть своего рода «биография» Безродного, который не нуждается в банальной самоидентификации посредством страны, гражданства и/или национальности. А отсутствие «отечества» («родины») фиксируется в следующей иронической записи: «Выдали беженский 'паспорт для путешествий' (Reiseausweis): ни для отечества, ни для отчества граф не предусмотрено»¹⁷. Для подчеркивания отсутствия «от(е)чества» годится и «говорящая» фамилия автора («Безродный»), которую он (опять не без иронии) обыгрывает неоднократно (и каламбурно) на страницах книги *Конец Цитаты*. Вот один из примеров:

Из «Анекдотов» Н. Кукольника: Сенатор Безродный в 1811 году был правителем канцелярии главнокомандующего Барклая де Толли. Ермолов зачем-то ездил в главную квартиру. Воротясь, на вопрос товарищей: «Ну что, каково там?» — «Плохо, — отвечал Ермолов, — все немцы, чисто немцы. Я нашел там одного русского, да и тот Безродный»¹⁸.

Одно из писем Безродного (от 29.02.1992 г.), адресованное автору статьи, было написано на обратной стороне листа (формата А4), на котором была помещена ксерокопия фамильного герба действительного тайного советника, сенатора Василия Кирилловича Безродного (1768–1847). По поводу этого анекдота (о сенаторе) Михаил Безродный сделал дополнительный комментарий:

¹⁶ О. Мандельштам, *Собр. соч. в 4 т.*, т. 2, Арт-Бизнес-Центр, Москва 1993, с. 384.

¹⁷ М. Безродный, *Конец Цитаты*. . . , с. 9. По поводу отчества см. также такой комментарий Безродного (в связи с получением им немецкого паспорта): «Что до гражданства, то некоторые 'подвижки' (Горбачев) место имеют, но пачпорта пока нет, да и дело затягивается, поскольку я настаиваю на снятии отчества (которое, если его оставить, будет восприниматься как югославская фамилия) и на написании 'Михаил' не по здешним нормам ('Mihail'), а в научной транслитерации ('Michail'). Даже ходил в соответствующее ведомство — торговать букву 'с'» (письмо Безродного от 23.11.2000 г.; архив автора статьи).

¹⁸ М. Безродный, *Конец Цитаты*. . . , с. 11.

Кстати, что до анекдота о сенаторе Безродном, то я его знаю (и то ли собирался привести в книжке, то ли привел, но не помню, где именно, а листать лень), однако на твоём варианте его финала я бы не остановился. Лучше так. Имярек после поездки в Германию: «Я встретил там только одного немца, да и тот Безродный». Что, кстати, верно. Теща, наблюдая мой параноидальный аккуратизм в мелочах, то и дело говорит: «Единственный немец в семье». «В стране», — поправляет её Рената¹⁹.

Не менее выразителен и другой пример:

Российское консульство в Мюнхене выдало «визу въездную-выездную». В графах «гражданство», «фамилия», «с детьми до 16 лет» значится:

БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

БЕЗРОДНЫЙ

ОДИН

— что так и просится стать зачином баллады в переводе Жуковского:

До рассвета поднявшись, коня оседлал,
Без гражданства, безродный, один...

— либо финалом жестокого романа:

Один, без гражданства, безродный,
Скитаясь в родимом краю...²⁰

Безродность — синоним отсутствия «родины» в банальном «патриотическом» смысле. Но для филолога Безродного (как и для поэта Осипа Мандельштама) «родиной» становятся прочитанные книги. Отсюда — сожаление о Публичной библиотеке, утраченной «за шеломянем», которая оказывается подлинной родиной Безродного-филолога²¹. Как настоящий

¹⁹ Письмо Безродного от 23.04.1999 г. (архив автора статьи). Рената — это Рената фон Майдель, его жена.

²⁰ М. Безродный, *Конец Цитаты...*, с. 152. Мотив своей «безродности» писатель обыграл затем в своей книге *Пиши пропало* (Санкт-Петербург 2003), поместив на обложку фотографию, на которой изображен черный силуэт собаки на фоне ночного городского пейзажа. Как сообщал Безродный в письме автору статьи: «Два дня обсуждал с издательством обложку с псом безродным и с фрагментами на клапанах» (письмо от 22.07.2003 г.; архив автора статьи). Очевидно, что упомянутый в письме «пес безродный» — в том числе аллюзия на строчки из поэмы Александра Блока *Двенадцать*: «Хвост поджал — не отстает — // Пес холодный — пес безродный...» (Блок А.А., *Полное собрание сочинений и писем: в 20 т.*, т. 5. Стихотворения и поэмы (1917–1921), Наука, Москва 1999, с. 19). Заметим, что это изображение «пса безродного» на обложке книги Безродного стилистически похоже на изображение «пса безродного» на рисунке художника Юрия Анненкова (см. А. Блок, *Двенадцать*, рисунки Ю. Анненкова, Алконост, Петербург, 1918, с. 11).

²¹ О восприятии Безродным библиотеки как феномена, способного компенсировать знание о некой реальности, свидетельствует такой эпизод: «Диплом мой (1982) был о драме Блока 'Незнакомка', и большой кусок в нем касался проблематики литературного краеведения. Оппонент, Михаил Пьяных, живший в районе предполагаемого 'места действия' драмы, сказал, что я, судя по всему, тщательно изучил этот район de visu, на что я искренне удивился: зачем, если это можно было сделать в Публичке по старым картам города» (письмо Безродного от 21.02.2010 г.; архив автора статьи). Отчасти это была также полемика с так называемым «литературным краеведением», один из постулатов которого был следующий: чтобы понять тот или иной локус, надо лично побывать в этом локусе, чтобы проникнуться его «духом».

петербуржец, Безродный не мог пройти мимо «петербургского текста» («петербургского мифа»), к изучению/осмыслению которого он приложил руку и как исследователь²², и как поэт²³. В итоге и Публичная библиотека становится частью этого «петербургского текста» («петербургского мифа»).

В процессе своего развития «петербургский текст» перестает быть собственностью создававших его авторов. Иными словами, отдельные мотивы, образы, сюжеты «петербургского текста» могут наполняться смыслами, о которых их авторы и не подозревали. С точки зрения исследователя такие непредвиденные смыслы обычно попадают в категорию ложных догадок, ложных домыслов. Но де-факто они могут стать законными элементами этого «петербургского текста»²⁴. Безродный фиксирует именно эту особенность «петербургского текста»: «Скриптор, пишущий под диктовку свыше. Палимпсест, именуемый 'петербургским текстом'»²⁵.

Сам принцип *палимпсеста* зачастую приводит к тому, что невозможно определить, где мотивы и сюжеты «петербургского текста» достоверные (аутентичные), а где — ложные, привнесенные тем или иным писателем или исследователем²⁶. Показателен пример, который описывается Безродным в *Конце Цитаты*: догадка поэта Льва Лосева о том, что в *Поэме без героя* Анны Ахматовой якобы зашифрована аббревиатура названия города Петербург — ПБГ (ПетерБург), которая совпадает с аббревиатурой «ПБГ» (*Поэма Без Героя*). Ложность этой догадки Безродный доказывает, как и полагается филологу-исследователю, не без сарказма:

Лев Лосев (так сказать, дважды земляк) в примечании к своему стихотворению «ПБГ» из сб. «Чудесный десант» (1985) и в статье о «Поэме без

²² См. З.Г. Минц, М.В. Безродный, А.А. Данилевский, «*Петербургский текст*» и русский символизм // З.Г. Минц, *Блок и русский символизм: Избранные труды: в 3 кн., кн. 3: Поэтика русского символизма*, Искусство, Санкт-Петербург 2004, с. 103–115.; Е.Г. Мельникова, М.В. Безродный, В.М. Паперный, *Медный Всадник в контексте скульптурной символики романа Андрея Белого «Петербург»* // *А. Блок и его окружение: Блоковский сборник VI*, отв. ред. З.Г. Минц, Тарту 1985, с. 85–92 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 680); М. Безродный, *Об одном приеме художественного шмюупотребления: Nomina sunt odiosa* // В честь 70-летия профессора Ю.М. Лотмана: Сборник статей, Тарту, 1992, с. 210–217.

²³ См. стихотворение Безродного *Петербургский текст* (М. Безродный, *Конец Цитаты*... , с. 16–17).

²⁴ Добавим, что элементами «петербургского текста» могут стать научно-популярные и сугубо научные исследования, посвященные «петербургскому тексту» (Н. Анциферова, В. Топорова, Ю. Лотмана, З. Минц и др.), хотя изначально они создавались как тексты, этому тексту внеположные (как научные метатексты).

²⁵ М. Безродный, *Конец Цитаты*... , с. 15.

²⁶ См., например, случай с толкованием образа «графа Дубльве» в романе Андрея Белого *Петербург* (Там же, с. 17).

героя» (опубл. *Essays in Poetics*, 1986, vol. 11, № 2; *Континент*, 1988, № 55; Ахматовский сборник, Париж 1989, вып. 1) поделился догадкой о том, что главным героем ахматовского сочинения является Петербург, на каковую мысль исследователя навело совпадение аббревиатуры ПБГ (Петербург) с «акронимом поэмы» (Поэма Без Героя). Замечание остроумно, но, чтобы с ним согласиться, приходится допустить, что стандартным сокращениям СПб, Пб и Пг Ахматова предпочла экзотическое ПБГ. А делать такое допущение столь же обязательно, как видеть, например, в переводе названия «Notre-Dame de Paris» на русский — «Собор Парижской Богоматери» — то ли сознательное, то ли безотчетное стремление запечатлеть имя российской столицы²⁷.

Впрочем, Лосев в данном случае не столько исследователь «петербургского текста», сколько очередной его творец (соавтор). Но в пространстве «петербургского текста» такого рода ложные этимологии-интерпретации вполне допустимы. Аналогично можно предложить и такую очевидно «народную этимологию»: аббревиатура ГПБ (Государственная Публичная Библиотека) есть анаграмма аббревиатуры ПБГ (Петербург). По крайней мере, она столь же допустима, сколь и догадка Лосева в отношении *Поэмы без героя* Ахматовой. И тогда мотив утраченной Публичной библиотеки становится элементом «петербургского текста» (и «петербургского мифа»), соавтором которого становится уже сам Безродный. Независимо от того, было у него намерение как-то осмыслить это совпадение (ПБГ / ГПБ), скорее всего случайное, или нет. В письме автору статьи Безродный заметил по поводу этой моей догадки (изначально шуточной и пародийной): «Про ПБГ / ГПБ и далее очень понравилось»²⁸. Продолжая мысль Безродного, можно добавить: «петербургский текст» не только пишется «под диктовку свыше», но и читается «под диктовку свыше».

Композиционно *Конец Цитаты* строится тоже по правилам (нео)мифологического текста, т. е. – циклически²⁹. Финал текста

²⁷ Там же, с. 11.

²⁸ Письмо Безродного от 19.02.2010 г. (архив автора статьи). Чуткость Безродного к советским и постсоветским аббревиатурам демонстрирует отрывок из его письма: «Заключил, наконец, писать доклад о Сергее Боброве (Опыт построения постсимволистской биографии) и буду читать его в конце апреля в Берлине [...]. Для доклада текст годится, но для серьезной статьи — нет, а чтобы 'доставить', надо бы посидеть месяц-другой в РГАЛИ, РГБ, РНБ (до чего же неприятны эти новые аббревиатуры; старые были, конечно, не лучше, но к ним ухо и глаз привыкли)» (письмо Безродного от 18.03.1994 г.; архив автора статьи). РНБ — Российская национальная библиотека (новое название ГПБ с 1992 г.).

²⁹ См.: «'Неомифологизм' в искусстве 20 в. выработал и свою, во многом новаторскую поэтику — результат воздействий как самой структуры обряда и мифа, так и современных этнологических и фольклористских теорий. В основе её лежит циклическая концепция мира, 'вечное возвращение'...» (Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, Е.М. Мелетинский, *Литература и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия*, т. 2, Москва 1982, с. 64).

книги выглядит так: «Конец прекрасной цитаты»³⁰, что является возвращением к титульному листу и собственно названию. При этом, однако, само понятие «конца» подвергается дезавуированию, ибо конца фактически нет, как не может быть конца у «петербургского мифа» (и у «петербургского текста»). Поэтому не случайно свое стихотворение *Петербургский текст* автор заканчивает как бы «одиноким» строчкой (отделенной от остального текста пробелом), в которой также содержится тезис о бесконечности «петербургского текста»:

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ

Уже которую неделю
Блестит чугунный шрифт оград
Под морозящей nonпарелью;
Уже который век подряд
Нева, лениво и безмолвно
Курсивом вспенивая волны,
Качая чаек и наяд,
Впадает в Лету.

Но пока

Река в беспамятство впадает,
Движения не прерывает
Рычаг печатного станка:
Как будто грома грохотанье –
Тяжелозвонкое скаканье –

И не кончается строка³¹.

В итоге можно констатировать: начинается книга Безродного заглавием, а заканчивается цитатой, но уже своего собственного заглавия. Ведь в размышлениях автора о названии книги опять не обошлось без цитаты: «Или лучше: 'Конец Цикады'? С одной стороны, конечно, не так прямолинейно. Но с другой — уж больно напоминает 'конец декады'»³². В этом рассуждении легко угадывается очередная цитата — из Мандельштама: «Цитата не есть выписка. Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна»³³. Как и полагается (нео)мифологическому тексту, *Конец Цитаты* Безродного показывает, что без цитаты тексту не обойтись, поскольку один из признаков мифа — это беспрестанное цитирование самого себя. А сама книга становится частью «петербургского текста».

³⁰ М. Безродный, *Конец Цитаты*..., с. 154.

³¹ М. Безродный, *Конец Цитаты*..., с. 16–17.

³² Там же, с. 151.

³³ О. Мандельштам, *Собр. соч. в 4 т.*, т. 3, Арт-Бизнес-Центр, Москва 1994, с. 220.

Библиография

- Безродный М., *Об одном приеме художественного имяупотребления: Nomina sunt odiosa* // В честь 70-летия профессора Ю.М. Лотмана: Сборник статей, Тарту 1992, с. 10–217.
- Безродный М., *Конец Цитаты*, Изд-во Ивана Лимбаха, Санкт-Петербург 1996.
- Безродный М., *Пиши пропало*, Изд-во «Чистый лист», Санкт-Петербург 2003.
- Блок А., *Двенадцать*, рисунки Ю. Анненкова, Алконост, Петербург, 1918.
<https://kp.rusneb.ru/item/material/dvenadcat>
- Блок А.А., *Полное собрание сочинений и писем: в 20 т.*, т. 5, Стихотворения и поэмы (1917–1921), Наука, Москва 1999.
- Доценко С., «Свое» и «чужое» в книге М. Безродного «Конец Цитаты» // *Пограничные феномены культуры: Перевод. Диалог. Семиосфера. Материалы Первых Лотмановских дней в Таллиннском ун-те (4–7 июня 2009 г.)*, Изд-во ТЛУ, Таллинн 2011, с. 223–239.
- Лотман Ю.М., Минц З.Г., Мелетинский Е.М., *Литература и мифы* // *Мифы народов мира: Энциклопедия*, т. 2, Москва 1982, с. 58–65.
- Мандельштам О., *Собр. соч. в 4 т.*, т. 2, Арт-Бизнес-Центр, Москва 1993.
- Мандельштам О., *Собр. соч. в 4 т.*, т. 3, Арт-Бизнес-Центр, Москва 1994.
- Мельникова Е.Г., Безродный М.В., Паперный В.М., *Медный Всадник в контексте скульптурной символики романа Андрея Белого «Петербург»* // А. Блок и его окружение: Блоковский сборник VI, отв. ред. З.Г. Минц, Тарту 1985, с. 85–92 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 680).
- Минц З.Г., Безродный М.В., Данилевский А.А., «Петербургский текст» и русский символизм // Минц З.Г. Блок и русский символизм: Избранные труды: в 3 кн., кн. 3: *Поэтика русского символизма*, Искусство, Санкт-Петербург 2004, с. 103–115.
- Смолянский А., *Веселое имя: Мишка (мемуар о филологе, литературоведе Михаиле Безродном)*, «Блоги журнала 'Семь искусств'» 2023, 21 ноября, <https://blogs.7iskusstv.com/?p=122278&spage=1>
- Творогов О.В., Шеломя // *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»* в 5 т., т. 5, Дмитрий Буланин, Санкт-Петербург 1995, с. 228–230.